

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409

О «ВООБРАЖАЕМОЙ ФИЛОЛОГИИ» О.О. СУЛЕЙМЕНОВА

С.Ю. Преображенский
(16.06.1955—20.06.2017)

Данная статья-отклик — одна из архивных рукописей филолога С.Ю. Преображенского, посвященная осмыслению книги «Код слова» О.О. Сулейменова. Автор пытается анализировать выдвигаемые О.О. Сулейменовым гипотезы как со строго филологической точки зрения, так и с позиции исследователя, признающего факт гениальных поэтических прозрений в развитии истории мысли.

Ключевые слова: этимология, языковой знак, воображаемая филология

Для начала нужно определить, к какого рода текстам относится рецензируемое «Введение». Менее всего хотелось выступать с позиции ученого-гелертера (тем более что автор отзыва не является специалистом-этимологом) и с порога отказывать «Введению» в какой-либо познавательной ценности на том основании, что это не научное языковедческое исследование, и навешивать ярлыки вроде «псевдо-», «лже-», «любительского» (по выражению А.А. Зализняка) и т.д. языковедения. Тем более что за определением «любительский», бывает, скрываются кастовые предрассудки. Многие этимологии М.М. Маковского в «Сравнительном словаре мифологической символики...» кажутся специалистам по меньшей мере смелыми, однако, насколько известно, никто не предъявил доктору филологических наук обвинения в «любительщине» Тем не менее, объективно говоря, в тексте «Ведения в Универсальный этимологический словарь» [1] черты «любительства» присутствуют. Причем интересные и меткие суждения и наблюдения чередуются с обобщениями и утверждениями, способными навлечь на себя праведный гнев «профессионала».

Скажем, бесспорно, соссюрровский постулат о немотивированности, «символичности» языкового знака страшно навредил лингвистике и семиотике (к такой критической оценке «любителя» О.О. Сулейменова не грех бы присоединиться экспертному сообществу), однако к иероглифам, по самому своему существу иконическим знакам, соссюрровское положение менее всего применимо, и такая трактовка связи между означающим и означаемым иероглифа никак не относится к принятой всеми языковедами. Вообще, категоричность утверждений признак в первую очередь публицистических, а не научных текстов: не так чтобы «генетики и археологи договорились» о том, что возраст современного человека ровно 100 тыс. лет и родом он непременно из Кении — есть и другие не менее авторитетные версии (о Сахаре и Намибии и о более юном возрасте первопредка); не факт что «начальный этап формирования языка был несомненно звукоподража-

тельным», т.е. ономотопы, конечно, появлялись в значительном числе, но, вероятно, были и другие звуковые сигналы с более сложной мотивировкой. Иероглифическое письмо базировалось, вероятнее всего, на традиции пиктограммы, так картинка превращалась в иероглиф. К этому моменту пучки синкретических образов, заменявших для мифологического мышления понятия, концепты уже складывались. Пиктограмма быка-производителя [2. С. 35] вполне могла стать изобразительным знаком и силы, и богатства, и могущества, и божеств соответствующих качеств. Безусловно, материал, на котором запечатлевались визуальные сигналы, и инструмент, которым наносились рисунки, играли важнейшую роль в том, какую стандартную форму получали теперь уже символические изображения, так что то, что у одних полумесяц, то, возможно, у других шеврон (особенно, если шеврон выбивают на камне или режут на кости). Остается только доказать, что письменности *заимствовали* друг у друга символические элементы, а не создавали их независимо. Но как раз допущения в «Универсальном словаре» часто приобретают вид аксиоматических положений. Результатом становятся логичные вроде бы, но абсолютно априорные построения вроде утверждения, что универсальные графемы образуют некие первоэтимоны для центральных концептов разных языков. Естественнее предполагать, что некоторое многозначные письменные знаки сохраняли за собой слово-первоназвание: за шевроном закреплено имя «му», а означает шеврон и богатство, и лунного бога, и свет — которые звучат по-разному. Когда шеврон рисуют, его называют «му», точно так же, как древний новгородец называл буквицу П *покоем*. Разве что для культур с тысячелетней иероглифической традицией «обратные влияния» графического знака на семантические связи лексической единицы выглядят временами достоверно, в общем же случае логика очевидна: вербальная полисемия развивается своим путем, а визуальные знаки ее оформляют в письменной передаче. Есть «проверенная книга» И. Фридриха «История письма» (она, кстати, написана позже, чем вскользь процитированная во «Введении» книга Истрина, там достаточно ярко показан переход от иероглифического письма к фонетическому — естественно, фонетические знаки несут на себе печать своего иероглифического прошлого и самые яркие тому примеры — отдельные буквы финикийского алфавита).

На основе априорных утверждений, приведенных выше, во «Введении» практически утверждается, что жрецы изобретают и навязывают прочим носителям языка значения многозначных слов, но между криптограммами «посвященных» и общенародным языком — пропасть, даже если это народ — малое племя. Устанавливая универсальные первоэтимоны, нельзя не встать на скользкий путь пренебрежения отдельными мелочами ради глобального эффекта, поэтому появляются утверждения, опровергаемые с очевидностью: утраты носовых как общеславянского процесса не было, иначе откуда бы польский *j* звук; лука и ложка не восходят к общему этимону луна ни при каких условиях; общий для всех (??!) языков уменьшительный суффикс едва ли дает рефлекс *j*: «...Самым первым формантом уменьшительности в раннем языке был — **ha* > *a* > *wa*... После к нему прибавился формант **j*». Для доказательства такого утверждения лингвисту понадобилось бы минимум полглавы, поскольку он знает, что суждение никто не примет на веру. Еще более невероятно и трудно доказуемо превращение картинка копы в «общечеловеческую» стрелу *j* — как если бы палатального звука до

рисунка вовсе не существовало в качестве элемента отдельных фонетических систем или как если бы этот звук был в числе исходных первофонем, дающих все многообразие звуков всех языков. Этимология всегда была полем соблазнов — с самых ее начал. Она часто превращалась из разговора о происхождении слов в разговор о происхождении всего сущего («о началах» Исидора Севильского). Автор «Универсального словаря» говорит именно «о началах», а языки и история письма для него только предмет, от которого мысль отталкивается.

Так было и в более ранних сочинениях О. Сулейменова, где филологический материал давал повод поговорить о философии истории, попутно автору удавались тонкие наблюдения как вполне прикладного, так и общетеоретического филологического свойства. То есть парадоксальным образом происхождение в рассуждениях о происхождении не главное для О. Сулейменова — важнее пучки связей. Отдельные острые соображения, такие как влияние бустрофедона на центральную симметрию древнегреческих графем, не кажутся автору достойными долгого нудного рассуждения («профессионал» пожалел бы об этом). Но щедрый на догадки О. Сулейменов движется дальше в поисках связей, а детали оставляет на усмотрение читателя. Между прочим, когда несколько десятилетий тому назад О. Сулейменову приписывали пантюркизм на том основании, что он пытался обнаружить в индоевропейском тюркское, только узкие специалисты среди историков языка знали, что ностратическая теория сводит обе «языковые ветви» к единому «древу». Сейчас ностратика — одно из самых перспективных направлений сравнительно-исторического языкознания XXI века. Так что творческая интуиция любителя иногда парадоксально совпадает с логическими построениями «профессионала» С этой точки зрения «Универсальный словарь» интересен как всякое смелое обобщение. Пусть морфемный анализ не позволяет слово *рань* членить на *ра-нь*, да еще так, что *нь* — постфикс отрицания. На уровне поэтической этимологии такое членение тут же обрастает смыслами. Специализировавшийся на Велимире Хлебникове известный лингвист В.П. Григорьев применил и к Велимиру и к Олжасу Сулейменову (имея в виду книгу последнего «Аз и Я») общее определение — «воображаемая филология». Это гораздо менее уничтожительно, чем «псевдо-», «лже-» и подобные им префиксоиды, и контекстуально восходит к «воображаемой геометрии» Лобачевского. Из «воображаемой» филологии в научную могут экстраполироваться некоторые конкретные соображения, открытия, догадки (например, про бустрофедон и греческую графику, про пространственную ориентированность изображения луны, превращающегося то в лук, то в бычьи рога). Однако главная ценность «воображаемой» филологии в том, что она будит фантазию, создавая миры альтернативной (но художественной, поэтической, а затем и философской) истины, в которых язык и метаязык не разведены по полюсам, но, напротив, взаимодополняющи. Как в поэтическом тексте, утверждения «воображаемой филологии» безоговорочно истинны в заданном возможном мире, а в иных мирах могут оказаться истинными по стечению обстоятельств.

Книга Олжаса Омаровича Сулейменова — гимн «воображаемой филологии», из коей извлекаются (в том числе и научные) истины.

© Преображенский С.Ю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейменов О.О. Код слова. Азия. Алматы: Литературный Альянс, 2013.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

История статьи:

Запланирована: 24.05.2018 (архивная рукопись)

Модератор: О.А. Валикова

Для цитирования:

Преображенский С.Ю. О «воображаемой филологии» О.О. Сулейменова // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 406—409. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409

Сведения об авторе:

Преображенский Сергей Юрьевич (16.06.1955—20.06.2017)

ON “IMAGINARY PHILOLOGY” BY O.O. SULEIMINOV

S.J. Preobrazhenskij
(16.06.1955—20.06.2017)

This article is a response — it is one of the archival manuscripts of the outstanding philologist S.J. Preobrazhenskij, dedicated to the comprehension of the book “The Code of the Word” by O.O. Suleimenov. The author tries to analyze the hypothesis of O.O. Suleimenov from both strictly philological point of view, and the position of the researcher who recognizes the fact of genius poetic insights in the development of the History of Thought.

Key words: etymology, linguistic sign, imaginary philology

REFERENCES

1. Sulejmenov, O.O. 2013. Kod slova [Word Code]. Azija. Almaty: Literaturnyj Al'jans. Print. (in Russ.)
2. Benvenist, Eh. 1995. Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow. Print. (in Russ.)

Article history:

Planned: 24.05.2018 (Archives)

Moderator: O.A. Valikova

For citation:

Preobrazhenskij, S.J. 2018. “On ‘Imaginary Philology’ by O.O. Suleimenov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 406-409. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409

Bio Note:

Сергей Юрьевич Преображенский (16.06.1955—20.06.2017)